

Пролог

Все начиналось как банальный, пусть и со вкусом обставленный, адюльтер.

Стояла ночь, безлунная и беззвездная. Затянутое тучами небо набрякло и кое-где прохунилось — на землю сочился мелкий противный дождь. В блеклых огоньках редких масляных фонарей поблескивали листья деревьев, шлифованные плиты дорожек, обрамленные кирпичом клумбы, скульптуры античных персонажей, утопающие в зарослях густого парка.

Из-за статуи Аполлона вышел человек в широком плаще с капюшоном. На шее плащ был стянут сапфировой застежкой. Низко надвинутый капюшон скрывал лицо, оставляя его в густой тени. Впрочем, о присутствии человека в парке никто не догадывался, так что и видеть его было некому.

Сам же он долго разглядывал длинное здание, выступающее из-за ветвей. Здание не выглядело слишком высоким — всего два этажа. Лишь в центральной части был надстроен третий уровень с фронтоном, украшенным изображением щита Фердинанда VI. Над портиком виднелся балкон

с каменным парапетом. По углам дворца, выстроенного из красного и белого камня, возвышались две башенки, увенчанные куполами.

Человек в плаще с драгоценной застежкой знал, что скромный внешний облик здания обманчив. Внутри размещалось около двух тысяч комнат, в них легко было заблудиться, не имея точной карты. У ночного созерцателя такая карта имелась. Кроме того, он бывал в этом здании уже много раз, и, что важнее всего, рассчитывал на помощь престелной проводницы.

Он всмотрелся в балкон над портиком. Сердце трепетало в ожидании условного сигнала. Есть! Когда мимо фасада прошел часовой с факелом в руке, отблеск пламени выхватил из мрака привязанную к балкону бежевую ленту. Это означало: все в порядке, путь свободен. Человек в плаще заметно повеселел и направился к левому крылу здания. Обогнул его и оказался позади дворца, там, где зелень парка подступала к стенам почти вплотную.

В двух шагах от таинственного господина, спрятавшегося за тумбой выключенного на ночь фонтана, прошествовал еще один стражник в мундире королевской гвардии. В руках он держал алебарду — дань многовековой традиции. Однако на плече у него висело оружие куда более современное и действенное — немецкое нарезное ружье со скользящим затвором.

Человек в плаще замер. С юных лет он имел непосредственное отношение к армии, даже служил военным министром в одном временном правитель-

стве, поэтому достоинства и недостатки различных типов вооружения были ему хорошо ведомы. Под такое ружье, каким располагал часовой, подставиться рискнул бы разве что законченный глупец.

Но вот гвардеец отдалился на безопасное расстояние. Небольшая высота дворцовых сооружений с лихвой компенсировалась их протяженностью. Человек в плаще быстро прикинул: чтобы дойти до угла и повернуть назад, охраннику потребуется никак не меньше трех минут. Этого было более чем довольно для задуманного таинственным господином маневра.

Досчитав для верности до десяти, он рванулся из-за тумбы, мигом пересек освещенное фонарем пространство и очутился у каменной кладки, в которой над самой землей обнаружилась маленькая дверка, — один из запасных выходов, оборудованных на случай пожара. Обычно дверка запиралась изнутри на прочные замки, за этим неусыпно следили слугители дворца. Но сейчас замки почему-то оказались не заперты, а петли смазаны чьей-то заботливой рукой.

Еще миг — и человек в плаще оказался внутри дворца. Осторожной, но уверенной походкой он поднялся по винтовой лесенке на второй этаж и попал в объятия той, которая и устроила его проникновение в охраняемую резиденцию.

— Франсиско! — прошептала она счастливо. — Наконец-то! Я уж думала, вы не придете...

Посетитель, чье полное имя звучало как Франсиско Серрано-и-Домингес, снял мокрый от дождя плащ и предстал во всем своем великолепии. Это

был бравый мужчина лет тридцати пяти — сорока, с английскими усами и залысиной на лбу, которая не старила его, а лишь добавляла солидности.

Любовнице кабальеро Франсиско не исполнилось еще и восемнадцати, но выглядела она на все тридцать: крупная, дородная, с не по годам развитой грудью и — увы — наметившимся вторым подбородком. Ее манеры недвусмысленно указывали на то, что она привыкла повелевать и видеть, что ей подчиняются.

— Идемте же! — Она схватила гостя за руку, обнаружив недожинную для женщины силу, и повлекла его темными коридорами в глубь дворца.

Они миновали пять или шесть залов, в том числе тот, где стоял трон в стиле Людовика XVI. Стены здесь были выстланы алыми бархатными тканями, а потолок расписан помпейскими фресками. Попадались также залы с мавританскими, неаполитанскими и китайскими интерьерами. Пышногрудая молодка не задержалась ни в одном из них. Она шла быстро, а славный сеньор, имевший, между прочим, чин генерала, следовал за ней, как на привязи.

Наконец, едва не столкнувшись с внутренней стражей, совершавшей ночной обход дворца, они добрались до маленькой комнатки, где стояла двуспальная кровать с балдахинном. Комнатку украшали гобелены с фривольными сюжетами, а в углу ютилась гипсовая статуэтка, изображающая нагого Амура. На прикроватном столике горела тонкая рифленая свеча.

— Это спальня Луизы, моей сестры, — пояснила любовнейка. — С тех пор как Луиза с мужем... этим

негодником, который метит на испанский престол... переехала в Севилью, сюда никто не заходит.

— А прислуга?

— Уборка бывает раз в неделю. Но не сегодня. Так что нам никто не помешает.

— А ваш супруг?

— Он в Мадриде, придет только завтра после обеда... Да что же вы такой робкий! — Она в нетерпении топнула каблучком. — Я изнемогаю от страсти, а вы рассуждаете!

Тут уж генерал, отбросив всяческие сомнения, обнял прелестницу так, что она заверещала от восхищения, а после принялся освобождать ее тело от многочисленных предметов одежды, свойственных ранней викторианской моде. На пол полетели газовая накидка, легкое домашнее платье из муслина, нижняя юбка, украшенная воланами и вышивкой, кофточка-безрукавка с круглым вырезом...

— Скорее, Франсиско, скорее! — изнывала сладострастница. — Я вся горю!

Генерал вспомнил, что и сам упакован в несколько слоев разнообразной материи. Оставив полураздетую красотку, он сорвал с себя шейный платок, выпростался из двубортной куртки с отложным воротником, стянул с плеч шелковый жилет, содрал манишку, отстегнул подтяжки.

— Черт бы вас побрал, Франсиско! Что вы так долго копаетесь?

— Одну минуту, моя Исабель, я уже почти готов!

Генерал потянул книзу брюки, но, взглянув на раскрасневшееся лицо конкубины, решил сначала

вызволить ее из тугого корсета. Он как раз возился с многочисленными крючочками у нее на спине, когда распахнулась дверь и в спальне явился тощий господин с вытянутым лошадиным лицом, на котором застыло яростное и вместе с тем уныло-обреченное выражение.

— Та-ак, — протянул он, созерцая даму в кокетливых панталончиках и ее кавалера со спущенными до колен штанами. — Какой пассаж!

— Кхм! — кашлянул сконфуженный генерал и поддернул брюки.

Дама если и была смущена, то не подала виду.

— Сударь, — обратилась она к вошедшему, — что вы изволите делать во дворце? Вы же сказали, что ревизия градостроительного комитета задержит вас в столице до завтрашнего дня?

— Это была маленькая хитрость, сударыня, — ответил тощий, еле сдерживая кипящее в нем бешенство. — Я давно подозревал вас в порочных связях, — полный презрения кивок в сторону генерала, — и вот выдалась возможность проверить эти подозрения.

— Монсеньор, — подал голос генерал, — вышло некоторое недоразумение, и я почитаю своим долгом разъяснить вашей светлости...

— А я почитаю своим долгом смыть вашей кровью свой позор! — вскричал тощий и выхватил из-под полы лондонского сюртука пистолет настолько архаичного вида, что в руке современного денди он смотрелся по меньшей мере забавно.

Зная вспыльчивый характер мужа, дама не сомневалась, что сейчас грянет выстрел. Она схва-

тила с кровати подушку и метнула ее в стрелка. Раздался гром, подушку разорвало в клочья, по спальне полетел пух, как будто осыпался разом десяток тополей. Военная выучка позволила генералу уклониться от пули.

Тощий люто шмякнул пистолет о гобелен с изображением соития Зевса и Данаи. Выдвинул из ножен шпагу. Безоружный генерал тоскливо оглядывался в поисках спасения. И только та, которую он называл Исабель, не теряла самообладания. Она подошла к супругу, сильной рукой вырвала у него шпагу и переломила ее об колено.

— Что вы себе позволяете? — задохнулся он от негодования.

Из коридора долетел оглушительный топот, и в спальню ворвались два гвардейца с изготовленными для стрельбы немецкими ружьями.

— Ну вот, — проронил тощий на минорной ноте, — теперь и челядь осведомлена...

— Ваше величество, — гаркнул один из гвардейцев, выкатив глаза на царственную гризетку в полуразвязанном корсете, — здесь кто-то стрелял, и мы подумали...

— Кто вам велел думать? — Она дрыгнула ногой, и войлочная туфля, сорвавшись со ступни, полетела в гвардейцев. — Убирайтесь вон!

Пунцовые от стыда, гвардейцы ретировались. Пух из растерзанной подушки медленно оседал на паркет.

— Что будем делать, сударыня? — спросил тощий, немного успокоясь.

И получил ответ:

— Я королева, мне все равно.

— В таком случае поступайте, как будет угодно вашему королевскому величеству. А я удаляюсь в Эль-Пардо.

Он стряхнул с себя прилипшие пушинки и, хрястнув дверью, покинул спальню. Легкомысленная монархиня и ее любовник вновь остались наедине.

— Я, пожалуй, тоже пойду, — засуетился генерал и потянулся к скомканной жилетке.

Королева ударила его по руке.

— Вот еще! Я не виновата, что мне навязали в мужья слизняка, неспособного удовлетворить женщину.

— Но теперь он знает о наших свиданиях...

— Пусть знает! Это и к лучшему: больше не надо скрываться... Идите же ко мне, мой рыцарь!

Королева совлекла с пышного, как сдобная булка, тела опостылевший корсет, разорвала льняную сорочку и, не стесняемая более ничем, по-кошачьи прыгнула на своего любовника.

Они слились в страстном обжигающем поцелуе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЧЕРТОВЩИНА В АРАНЖУЭЦЕ

На дорогах Кастилии. — Городок с неприличным названием. — Сестры похожие и непохожие. — Каменные быки и козлиная кожа. — Принц на паровой телеге. — Письмо-загадка. — Уединенный домик. — Максимов славит технический прогресс. — История о корабле-призраке. — Трагедия на мосту через Тахо. — Ночь, полная кошмаров. — Вероника сеет панику. — Мертвая голова. — Соседи Кончиты. — Бородач на кауром коне. — Выстрел из французского карабина. — Поиски вокруг дома. — На прицеле.

Ф

евральским днем — таким лучистым и теплым, какие в это время года бывают лишь на просторах Новой Кастилии, — по мосту через реку Тахо катилась рессорная двуколка. В ней, помимо кучера — немногословного арагонца с банданой на голове, — находились трое пассажиров: уроженка Испании, а ныне подданная Российской империи Анита Моррентес, ее супруг, отставной военный инженер Алексей Максимов, и их служанка — девица из тверских крестьянок по имени Вероника.

Анита и Алекс, не обремененные никакими служебными обязанностями, уже третий год путешествовали по Европе. Средств, получаемых с имений, которые перешли Максиму по наследству от родителей, хватало на то, чтобы ощущать себя

в достаточной степени свободными. Путь лежал через германские земли во Францию, а затем по крутой дуге вниз — в Швейцарию и Австро-Венгрию. Наконец, пресытившись впечатлениями и приключениями, среди коих выдалось немало опасных, они решили вернуться домой. Однако в румынской Констанце Анита получила письмо от своей сестры, которая просила ее срочно приехать. Тон письма был таков, что Анита не раздумывала ни секунды.

Супруги покинули побережье Черного моря в первых числах ноября. Пассажирский пароход «Альдебаран», шлепая гребными колесами, доставил их в Константинополь, где довольно долго пришлось ждать судна, с которым можно было бы выйти в Средиземноморье. Лишь к концу декабря удалось попасть в греческий порт Пиреус, но и там вышла задержка. Зимнее Эгейское море бушевало, и все корабли недели две стояли на приколе, пережидая непогоду. После Нового года Максимов уговорил шкипера одного из пакетботов подбросить их хотя бы до Италии. Но в дороге пакетбот дал течь и по этой причине завернул в Ираклион, где его поставили в док для починки. Таким образом, к подошве Апеннинского сапога Анита и Алекс причалили уже на православное Крещение, а там еще ждали оказии, чтобы достичь испанских берегов.

В конце концов в начале февраля они ступили на каталонскую землю в гавани Барселоны и тут же наняли экипаж, чтобы попасть в самое сердце Кастилии — городок Аранхуэс, отстоящий всего на сорок с небольшим верст к югу от Мадрида.

Максимов называл городок Аранжуэцем, согласно принятым тогда правилам русской транскрипции. Аните первое время не нравилось такое вопиющее искажение, отдававшее португализмом, но она, прожившая более десяти лет под мощным влиянием русской культуры, не могла не согласиться, что на языке Пушкина оригинальное название городка звучит слегка неприлично. Поэтому вскоре притерпелась к жужжаще-цокающему варианту и сама стала употреблять его в речи.

Итак, двуколка с четой Максимовых въезжала в Аранжуэц. Деревянный настил моста прогромыхал под колесами, самая крупная водная артерия Пиренейского полуострова осталась позади, и перед путниками открылся вид на величественный королевский дворец, загородную резиденцию испанских монархов, окруженную обширным парком. Это монументальное творение, задуманное как достойный ответ французскому Версалю, поражало своим размахом и барочной вычурностью.

Но Анита не испытывала желания любоваться живописной постройкой. Сидя на жесткой скамье, на которую заботливая Вероника положила для удобства шелковую подушечку, она погрузилась в раздумья о сестре и о внезапном призыве в родные края, так давно покинутые и наполовину позабытые.

Они с Кончитой родились в один день. Однако природа, наделив девочек разительно схожей внешностью, позаботилась о том, чтобы характеры их существенно отличались. Анита с раннего детства была бесстрашной и любознательной, всюду сова-